

Конференция в ЯГТУ: начало критического обзора

Гордеев Валерий Александрович 

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: vagordeev@rambler.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

теоретическая экономия, конференция в ЯГТУ, теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики, новый парадигмальный мейнстрим в социально-экономических исследованиях, дальнейшее развитие нашей концепции как нового мейнстрима

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой начало критического обзора материалов конференции, состоявшейся в ЯГТУ в декабре 2025 года. В этих материалах автор данной статьи стремится найти ряд положений, заслуживающих внимания и осмысления в русле дальнейшего развития сегодня концепции теоретической экономии как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях, которым мы занимаемся в нашем журнале вот уже более полутора десятилетий. Данная статья посвящена характеристике основного содержания таких положений в докладах на конференции как важному средству, по мнению автора данной работы, в осмыслении теоретической экономии. Особое внимание уделено теоретическим и практическим аспектам цифровизации российской экономики, рассмотренных в докладах участников конференции. Методология данной работы основана, естественно, на выдвинутой нами концепции теоретической экономии. Научная новизна работы заключается в выявлении вклада материалов конференции в развитие этой концепции.

JEL codes: A13, A14, B40, B41

Для цитирования: Гордеев, В.А. Конференция в ЯГТУ: начало критического обзора / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2026 - № 3. - С.221-233. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 31.03.2026)

Вместо введения

4-5 декабря 2025 года в Ярославле, в ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», состоялась VIII Международная научно-практическая конференция по теме «Теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики». Пленарное заседание началось с выступлений ректора ЯГТУ Е.О. Степановой и первого проректора Д.В. Наумова, которые рассказали о научной и учебной работе своего университета в свете проблем и вызовов цифровой трансформации высшего образования. Участники пленарного заседания заслушали также выступления представителей банковской сферы: М.В. Трохалева (Банк России) и А.М. Смолякова (Сбербанк), - посвященные применению цифровых инструментов в предпринимательстве и образовании. На этом же заседании с докладом «Цифровизация в региональном развитии промышленности» выступила доктор экономических наук, профессор Высшей школы экономики (г. Москва) С.Н. Растворцева.

В первый же день конференции проведена работа двух секций. Первая из них была посвящена изучению проблемы «Цифровая трансформация российской экономики в поисках нового качества роста». Вторая секция исследовала проблему «Информационные технологии как драйвер роста новой российской промышленности».

Второй день конференции был посвящен работе дискуссионной панели «Кадры для цифровой трансформации экономики: партнерство университета и индустрии», заседанию молодежной секции и проведению научно-исследовательского семинара «Цифровая трансформация в фокусе исследования молодых ученых».

По материалам конференции издан сборник трудов [см.: 1].

Данная статья представляет собой начало критического обзора материалов указанной

конференции. В этих материалах автор стремится найти ряд положений, заслуживающих внимания и осмысления в русле дальнейшего развития сегодня концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях, которым мы занимаемся в нашем журнале вот уже более полутора десятилетий.

Методология данной работы основана, естественно, на выдвинутой нами концепции теоретической экономики. Научная новизна работы заключается в выявлении вклада материалов конференции в развитие этой концепции.

Цифровая трансформация российской экономики в поисках нового качества роста (подступ к проблеме)

Конечно, надо в первую голову отметить как положительное явление самый факт проведения нашей конференции. Важно, считаю, обратить внимание, что она уже 8-я, то есть наличествует определенная тенденция к системности в исследовании избранной темы, да и в становлении самой традиции проведения таких конференций, начатых в свое время по инициативе Вашего покорного слуги в бытность его заведования кафедрой экономической теории. Немаловажно, что прозвучавшие на конференции около сотни докладов отечественных и зарубежных исследователей свидетельствуют о достаточно высоком интересе ученых к рассматриваемой теме, её актуальности и практической значимости.

Однако мой обзор заявлен как критический, да критичность и важнее для определения путей совершенствования любого дела. В тезисах моего выступления на конференции, с публикации которых и начинается сборник трудов по её материалам [см.: 1, с. 12-18], я обратил внимание на следующее: «Концепция теоретической экономики, разрабатываемая нами и в рамках полиметодологического подхода отдающая приоритет исследованию объективных философско-экономических закономерностей, направлена на достижение подлинного очеловечения, бытия человека и социума в полной гармонии с их хозяйством и экосферой. Что это значит применительно к теме нашей сегодняшней конференции? А то, что, воспринимая тенденцию к цифровизации экономики как объективный процесс, взгляд из теоретической экономики в то же время фиксирует противоречивость этой тенденции: тут и прогресс, тут и угроза, может быть смертельная, процессу очеловечивания и самой жизни человека и человечества. Но, к сожалению, в многочисленных публикациях многих авторов в последние годы доминирует, на мой взгляд, односторонность. Коллеги, по моему, не к поиску истины устремились, как пристало делать в науке, а следуют им оказавшемуся модой желанию видеть в цифровизации только или почти только благостную положительность. Грешат этим, считаю, и многие материалы, представленные на нашу конференцию» [1, с. 13].

В самом деле, даже доклады на пленарном заседании являли попытку убедить, что в бизнесе, в промышленном производстве цифровизация ну прямо единственная панацея от всех бед. Хотя, правомерно, считаю, четыре назад на такой же конференции руководитель областного департамента по промышленной и инвестиционной политике правомерно признал, что пока никто ещё не придумал, как компьютер присоединить к производственному станку. А, стало быть, цифровизация проявляется только на управленческом уровне, упрощая там связи, а у главного актора – работника у станка – этой цифровизации как не ночевало, так и не ночует.

Ещё явственной односторонностью оценки роли цифровизации, считаю, проявилась применительно к сфере образования. Дело в том, что образовательный процесс всё ещё представляется многим как процесс простой передачи знаний. И тогда, конечно, вполне естественно и логично видеть в цифровизации, искусственном интеллекте единственный путь совершенствования и повышения эффективности образовательной деятельности и при этом замены преподавателя машиной. Но обучение – это взаимодействие преподавателя и студента, которое должно, по выражению Н.С. Гумилева, «вести сердца к высоте» [2, с. 321], создавая творца, а не убогого потребителя, поскольку только творец сможет обратить цифровизацию во благо, не дать ей стать убийцей человека и человечества.

В моем выступлении на конференции было показано, что «...необходимо коренное переустройство нашего образования, ситуации в науке, где бал править должны не «активные менеджеры», а настоящие ученые. С сожалением приходится согласиться с утверждением академика РАН Р.И. Нигматулина, что нами правят неучи, неспособные правильно определить цели и задачи нашей деятельности и мешающие ей своими антинаучными директивами. Не опускаться до пустопорожних дискуссий типа, нужна ли цифровизация в образовании. Ведь под руководством сегодняшних чиновников, по сегодняшним госстандартам, изготовленным по лекалам военно-стратегического смертельного врага, хоть с цифровизацией, хоть без неё, мы всё равно приходим к одному: ухудшаем и ухудшаем подготовку специалистов. Хотя она и так стала хуже некуда» [1, с. 15-16]. Но суперблагостные интерпретации чиновников не могут не оказывать влияния и на направленность выступлений руководителей вуза, банковских сотрудников и немалой части ученых.

Попытаемся рассмотреть степень такого влияния на докладчиков первой секции, чтобы установив диагноз, предложить лекарство, как оно представляется по результатам такого рассмотрения. Разумеется, в данной статье, прошу извинить за повторение, представлено лишь начало этого рассмотрения.

Всего на первой секции, посвященной проблеме «Цифровая трансформация российской экономики в поисках нового качества роста», сделано 70 докладов. То есть чисто количественно здесь сосредоточился основной интеллектуальный контент всей конференции. Из числа этих докладов прежде всего считаю важным обратить внимание на те работы, которые не узкоэкономически, а в широком социально-экономическом аспекте пытаются осмыслить тему.

Не узкоэкономически, а широко социально-экономически осмыслить проблему

К этим работам, считаю, следует прежде всего отнести доклад «Влияние сильного искусственного интеллекта на трансформацию социально-экономических отношений», с которым выступили Г.А. Родина и А.А. Беляев из ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет» [см.: 1, с. 78-87]. В представленной работе осуществляется комплексный анализ трансформации фундаментальных основ глобальной экономической системы под влиянием развития технологий сильного искусственного интеллекта. Рассматривается не только технологическая составляющая данной трансформации, но и ее глубокие социально-экономические, институциональные и этические последствия. Особое внимание уделяется пересмотру таких базовых категорий, как труд, капитал, стоимость, производительность и экономическое управление. На основе синтеза современных российских и зарубежных исследований доказываемость неизбежность формирования нового социально-экономического контракта, а также выявляются ключевые вызовы и стратегические риски, стоящие перед национальными экономиками, включая экономику Российской Федерации.

Особый интерес у меня вызвало рассмотрение докладчиками парадокса производительности и системной проблемы справедливого распределения создаваемого богатства. Данная проблема, по мнению Г.А. Родиной и А.А. Беляева [см.: 1, с. 82-84], представляет собой центральное противоречие грядущей трансформации, способное определить не только траекторию экономического развития, но и социально-политическую стабильность обществ в целом. Феномен, известный в экономической теории как «парадокс производительности», в контексте сильного искусственного интеллекта приобретает новое, гипертрофированное звучание. Классически этот парадокс формулируется как отсутствие корреляции между ростом инвестиций в информационные технологии и соответствующим ростом производительности труда на макроуровне. Однако в преддверии 2030 года мы сталкиваемся с иной, более масштабной дилеммой: технологический потенциал сильного искусственного интеллекта к экспоненциальному росту совокупной производительности и созданию беспрецедентного богатства вступает в фундаментальное противоречие с устаревшими социально-экономическими механизмами его распределения.

Традиционная система распределения, основанная на вознаграждении за труд (зарботная плата) и перераспределении через налогообложение доходов и потребления, оказывается неадекватной

вызовам эпохи, когда стоимость создается в значительной и все возрастающей степени не человеческим трудом, а автономными капитальными активами – алгоритмами и роботизированными системами, считают докладчики, соглашаясь с С.А. Афонцевым [3, с. 8]. Возникает системный разрыв: с одной стороны, сильный искусственный интеллект способен радикально снизить предельные издержки производства товаров и услуг, теоретически открывая путь к обществу изобилия. С другой стороны, если основная масса населения исключена из процесса создания стоимости в его традиционном понимании и, следовательно, лишена устойчивых источников дохода от труда, то формируется порочный круг. Снижение совокупного потребительского спроса, вызванное массовой безработицей или значительным падением заработков, делает экономически нецелесообразным производство этого самого изобилия. Богатство концентрируется у узкого круга собственников технологий и капитала, что, как указывается в коллективной монографии под редакцией К.В. Вишневого и Д.В. Милова, ведет не только к социальной несправедливости, но и к структурному кризису перепроизводства и стагнации, подрывая сами основы экономического роста [4, с. 120-122]. Этот раскол между производственным потенциалом и покупательной способностью составляет суть нового парадокса производительности эпохи искусственного интеллекта. Его разрешение требует пересмотра самих основ социально-экономического контракта.

В этом контексте на первый план выходят концепции, ранее считавшиеся маргинальными или утопическими. Вопрос о безусловном базовом доходе (ББД) переходит из плоскости теоретических дискуссий в плоскость практической политики. ББД, выступая в роли социального дивиденда от технологического прогресса, мог бы выполнять несколько ключевых функций: обеспечивать минимальный гарантированный уровень жизни для всех граждан, поддерживать базовый потребительский спрос, служащий фундаментом для экономики, и, что не менее важно, предоставлять людям свободу для переобучения, творческой деятельности, волонтерства или ухода за близкими – всего того, что составляет «человекоцентричный» сектор новой экономики, в чем докладчики соглашаются с В.М. Полтеровичем [5, с. 20-21].

Альтернативной или комплементарной моделью может стать, по мнению Г.А. Родиной и А.А. Беляева, создание национальных фондов или трастов, аккумулирующих доходы от деятельности автономных систем. Граждане могли бы получать прямые дивиденды от таких фондов, что, по сути, представляет собой механизм коллективного владения капиталом в его новой, алгоритмической форме. Данный подход требует решения сложных вопросов оценки вклада искусственного интеллекта в создание добавленной стоимости и разработки соответствующих фискальных инструментов, таких как налог на роботов или на использование автономных систем. Однако, как показывает анализ, проведенный в сборнике «Цифровая экономика: 2024», подобные инициативы сталкиваются с серьезными вызовами, включая проблему администрирования, риски утечки капитала и торможения инноваций [6, с. 156].

Таким образом, системная проблема справедливого распределения создаваемого богатства является не второстепенным социальным вопросом, а ключевым экономическим императивом выживания системы. Без создания новых, инклюзивных каналов распределения, технологическая революция, движимая сильным искусственным интеллектом, приведет не к всеобщему процветанию, а к углублению неравенства, социальной фрагментации и, в конечном счете, к подрыву легитимности самой экономической модели. Устойчивое развитие в новых условиях будет напрямую зависеть от способности общества найти баланс между стимулированием технологического прогресса и обеспечением социальной сплоченности через перераспределение его плодов. Это, возможно, самый сложный и ответственный вызов, требующий конструктивного диалога между государством, бизнесом и гражданским обществом уже сегодня.

Как видим, исследование Г.А. Родиной и А.А. Беляева вполне укладывается в русло разработки и развития нашей концепции теоретической экономики, в них несомненно признание значимости диалектики взаимодействия производительных сил и производственных отношений в современной

их модификации, а потому и особенно весомы практические рекомендации этих докладчиков.

Интересная попытка выйти на глубокие методологические проблемы, считаю, сделаны в докладе «Методология экономической науки как неостывающий кратер хозяйственной жизни». Его представили В.В. Чекмарев и Г.А. Губин из ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» и Научно-образовательного центра воздушно-космической обороны «Алмаз – Антей» им. академика В.П. Ефремова (г. Москва) [см.: 1, с. 492-496]. В их работе произведена оценка проблем анализа хозяйственной жизни в философии и методологии экономической науки, отмечены нарождающиеся принципы современной практики хозяйствования.

Обновление экономической методологии, справедливо отвечают эти авторы, возможно как реакция на вызовы фальшизма в науке, усиление неопределённости будущего и междисциплинарности. Нельзя не отметить и такие новые концепции, как энергосвязь времени и пространства, ноономика, инфономика, концепции эзотерического мировоззрения. Нельзя пройти и мимо культурного наследия как экономического ресурса, а также таких экономических ресурсов, как экономическое время и энергия [1, с. 493].

В журнале «Экономист» в 2011 году, отмечают докладчики, была опубликована статья П. Покрытана «О методологии экономических исследований» [см.: 7]. Но, несмотря на прошедшие полтора десятилетия, потенциальных идей о развитии методологии экономических исследований появилось немного, а точнее, докладчики называют лишь работу А.И. Московского в журнале «Вопросы политической экономии» [см.: 8] и учебное пособие Л.А. Тутова [см.: 9]. Интерес учёных к методологии, резонно, на мой взгляд, утверждают В.В. Чекмарев и Г.А. Губин, неадекватен потребностям её развития. И речь не идёт о необходимости придать экономической науке того уровня доказательности, что принят в естественных науках. Речь идёт всего лишь об отсутствии необходимой экономической методологии [1, с. 493].

Важной проблемой экономической методологии, по мнению В.В. Чекмарева и Г.А. Губина, является проблема соотношения между историческими и логическими принципами, а также между междисциплинарностью и аналогичностью. После «Капитала» К. Маркса предметом экономистов вместо экономических отношений стали экономические системы, а ныне парадигмально становится экономическое пространство. И в литературе зачастую такие понятия, как субъект отношений замещается агентом экономических систем или актором экономического пространства. Но это с позиции принципов анализа разные экономические категории. А в «цифровой» экономике не только буква замещается цифрой, а словарный язык замещается цифровым языком (даже в письменной речи!). В результате возникает ноономическая парадигма новой экономики труда как мировоззрение целостности смысла бытия человека при рассмотрении ноономики как фундаментального знания. В этом случае человек не остаётся даже в качестве носителя рабочей силы, исчезает духовная ценность труда ... [1, с. 494].

Интересным представляется предложение докладчиков о том, что в новой методологии следует использовать квантовый принцип, тем самым противопоставляя слово цифре, ибо цифровизация экономики есть проявление идеологии сверхчеловека, искусственного интеллекта естественному [1, с. 495].

Словом, в работе В.В. Чекмарева и Г.А. Губина немало важного для осмысления в русле развития концепции теоретической экономии, но нельзя не сожалеть, что этот дуэт докладчиков «не заметил» этой нашей концепции. Тут уж не до обиды как субъективно-психологическом феномене, а о простой научной порядочности: можешь не соглашаться, но не имеешь права не замечать, иначе получается научная недобросовестность, граничащая с невежеством.

Далее попытку выйти за пределы узкоэкономического к широкому социально-экономическому осмыслению объекта исследования можно, считаю, отметить в докладе «Теоретико-методологические основы исследования повышения эффективности работы персонала» [1, с. 137-145]. Его представили А.Д. Гайнуллин и А.Н. Савичева из ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический

университет». Актуальность исследования детерминирована возрастающей ролью человеческого капитала в условиях цифровой трансформации экономики и глобализации рынков. Эффективность использования трудовых ресурсов становится критическим фактором конкурентоспособности национальных экономики отдельных предприятий. Цель исследования заключается в систематизации теоретико-методологических основ повышения эффективности работы персонала с интеграцией российского и международного статистического анализа по состоянию на 2024-2025 гг.

Характеризуя методологию своей работы, докладчики отмечают, что в исследовании применяются методы сравнительного анализа, статистического наблюдения, экономико-математического моделирования и экспертных оценок. Правда в более широком плане работа, которую построена на основе неоклассической и институциональной методологии, не опирается на концепцию теоретической экономики, что, на мой взгляд, снижает её научную ценность, а преодоление этого недостатка представляет возможности дальнейшего совершенствования исследования избранной темы.

Положительным результатом исследования А.Д. Гайнуллина и А.Н. Савичевой стало то, что ими разработана комплексная система показателей эффективности персонала, выявлены структурные изменения в трудовых ресурсах России за 2020-2024 гг., проведены компаративные сопоставления с международными тенденциями. Практическая значимость этого исследования заключается в разработке методики оценки эффективности персонала, адаптированной к современным вызовам глобальной экономики и специфике российского рынка труда.

Проведенное А.Д. Гайнуллиным и А.Н. Савичевой исследование позволило систематизировать теоретико-методологические основы повышения эффективности работы персонала и разработать комплексный подход к оценке и управлению производительностью человеческих ресурсов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что эффективность персонала представляет собой многогранную категорию, включающую экономические, статистические, социальные и поведенческие аспекты. Выявленные структурные изменения в российских трудовых ресурсах, в частности сокращение численности трудоспособного населения на 0,3 млн человек за 2020-2024 годы при одновременном росте занятости лиц старше трудоспособного возраста на 0,3 млн человек, подтверждают необходимость перехода от экстенсивной к интенсивной модели использования человеческого капитала. Сравнительный анализ международных тенденций, как показало исследование этих двух докладчиков, демонстрирует как общие закономерности (глобализация рынка труда, рост значения нематериальной мотивации, цифровизация процессов управления персоналом), так и специфические особенности российского контекста (крайне низкий уровень вовлеченности сотрудников, значительные демографические вызовы). Практическая значимость исследования была бы ещё выше при использовании методологии теоретической экономики, но уже и в таком виде она заключается в разработке методики оценки эффективности персонала, которая может быть применена в организациях различных отраслей и масштабов деятельности. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой отраслевых моделей эффективности персонала и изучением влияния цифровой трансформации на производительность труда.

Продолжая выявлять широкий социально-экономический подход, отмечу доклад «Социальное неблагополучие регионов по уровню и качеству жизни» [см.: 1, с. 146-149]. Его представил Н.И. Дегтярёв из ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь). Актуальность данной проблемы обусловлена социальным неблагополучием регионов по уровню и качеству жизни населения на территории России. В докладе были представлены показатели расчёта уровня жизни по разным странам, а также индикаторы измерения уровня и качества жизни населения. В связи с межрегиональным неравенством в РФ показан перечень регионов России, в которых показатели уровня и качества жизни населения свидетельствуют о социальном неблагополучии. По результатам исследования были сделаны соответствующие выводы.

Правда с сожалением приходится признать, что автор доклада «не дошел» до методологии

теоретической экономии, ограничившись неоклассикой и институционализмом. Иначе была бы видна, например, уязвимость заключения докладчика о том, что «...благодаря реализации национальных проектов и государственных программ неравенство сглаживается» [1, с. 149]. Ведь национальные проекты и государственные программы – это ещё не полноценное централизованное планирование, которое (и только оно) способно обеспечить подлинно системное, комплексное решение проблемы с позиции теоретической экономии. С этой же позиции применительно к теме рассматриваемой конференции предстал бы простой, «детский» вопрос: а разве не с развитием цифровизации одновременно происходило нарастание неравенства регионов? Надеяться на национальные проекты и государственные программы – это выдавать желаемое за действительное, скрывать от себя истинный масштаб проблемы, видимый только на основе методологии теоретической экономии.

В этом же русле попытки широкого социально-экономического подхода считаю необходимым отметить доклад «Реализация стратегии технологического лидерства российской экономики», с которым выступил А.А. Киселев из ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». В этом докладе рассмотрены современные аспекты реализации стратегии технологического лидерства российской экономики, показаны основные проблемы решения этой задачи и пути их возможного решения в условиях современной конкуренции и активного противодействия Запада.

Докладчик резонно констатирует, что российская экономика с переходом на так называемые рыночные отношения столкнулась не только с серьезными вызовами со стороны мировой экономики, но и с прямыми противодействием со стороны США и ведущих стран Запада по ее развитию, обеспечению своего технологического лидерства и суверенитета. В данном случае под технологическим лидерством нужно понимать технологическое превосходство, а под технологическим суверенитетом – технологическую глобальную конкурентоспособность. При этом понятно, что суверенитет достигается только через лидерство. И Россия не поддалась «технологическому рабству», в которое хотели втянуть Россию США и страны Запада, лишая ее собственного производства. Но отдельными мерами, справедливо считает докладчик, проблему технологического лидерства не решить.

С одной стороны, докладчик патриотично утверждает [см.: 1, с. 206], что в настоящее время России есть чем гордиться в сфере своего технологического развития, несмотря на злобные высказывания антироссийских политиков и различных диссидентов, утверждающих, что России нечем гордиться. Правда, они признают, что российские военные технологии сегодня во многом лучше иностранных. Так, например, *Die Welt* считают, что современные российские ракеты «Буревестник» и «Орешник», а также подводный аппарат «Посейдон» вызывают серьезные опасения в НАТО, потому что их им трудно будет перехватывать из-за их технических характеристик [10]. Это относится и к созданию боевого самолета СУ-57, где применяются в основном российские материалы для его производства [11]. Надо отметить, что военные технологии затем становятся основой для их использования в гражданской сфере. Так, например, *The New York Times* пишет, что Россия целиком и полностью превосходит как страны НАТО, так и Украину в сфере производства и применения боевых беспилотников. Для этого даже придумали новый титул – «Империя дронов» [12]. Но уже сегодня беспилотники активно находят свое применение практически во всех отраслях экономики: в сельском хозяйстве, в медицине, в геологии, в судоходстве, в нефтегазовой отрасли, в безопасности дорожного движения, в МЧС и др. Однако и в целом в гражданской сфере Россия не устает удивлять своих 206 партнеров и врагов новыми технологическими прорывами. Так, например, в ноябре 2025 года на Балтийском заводе Санкт-Петербурга начали строить новый сверхмощный атомный ледокол «Сталинград», аналогов которому нет в мире. В 2000-е годы была практически разрушена авиационная промышленность по созданию гражданских самолетов. И, запретив России использовать пассажирские самолеты иностранного типа, которые были закуплены страной, США и страны Запада хотели поставить Россию в зависимость от себя. Но мы видим, что Россия в непростых условиях навязываемых ей вооруженных конфликтов, экономических санкций создала

свой импортозамещенный российский среднемагистральный самолет МС 21. Россия до сих пор не потеряла статус космической державы. В настоящее время наш «Росатом» строит сразу в 8-ми странах 22 энергоблока. Такого не делает никто в мире [13]. А к 2030 году Россия должна выпускать более 1100 препаратов, довести долю отечественных стратегически важных лекарств до 80% и внедрить в практику не менее половины всех научных разработок [14].

Однако, справедливо признает докладчик [см.: 1, с. 207], это не говорит о том, что у российской экономики нет проблем в обеспечении своей конкурентоспособности, в том числе развития современных технологий. Самым большим провалом стало, конечно, развитие отечественного рынка высокотехнологичных товаров – компьютеров, оборудования для беспроводной связи, сотовых телефонов, офисной техники. Например, в 1980-е годы в СССР производились персональные компьютеры собственной разработки, такие, как «Электроника БК-0011», «Микро-80», ПЭВМ «Агат» и др., в то время как в большинстве стран, в том же Китае, их не было совсем. Сейчас же более 90% отечественного рынка ноутбуков и почти 100% рынка планшетов контролируют иностранные производители, в том числе Китай, а в России мало что делается в этой области. В настоящее время уже даже Вьетнам продает за рубеж мобильных телефонов и ноутбуков на 36 млрд долларов, то есть в 2,5 раза больше, чем Россия продает вооружений [15]. Правда, Государственная дума РФ 20 ноября 2025 года приняла закон, который вводит в стране 1 сентября 2026 года технологический сбор. Предполагается, что его нужно будет платить за ввоз или производство в России продукции с электронной компонентной базой. В Минпромторге ранее заявили, что это необходимо для развития электронной и радиоэлектронной промышленности страны и укрепления технологического суверенитета [16]. Но даст ли это нужный эффект – это большой вопрос, так как ранее подобные меры применялись в отношении ввоза иностранных легковых автомобилей. Но все это приводило и приведет сейчас лишь к подорожанию для россиян ввозимой продукции, а не развитию высокотехнологичной отечественной отрасли.

В этом анализе А.А. Киселев опирается на политэкономический подход, то есть вплотную приближается к методологии теоретической экономики. А потому и столь весомы, на мой взгляд три основных рекомендации, которые вытекают из проведенного докладчиком анализа.

Во-первых, справедливо утверждает он, наши технологии должны иметь качественное преимущество и не создаваться для превосходства как самоцели – лишь бы быть первыми. Они должны обеспечивать решение наших национальных задач, обеспечения технологического лидерства во всех отраслях экономики, работать на перспективное движение экономики вперед опережающими темпами. И ресурсный потенциал в России для этого есть. Но, как отмечает председатель Совета ТПП РФ по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России К. Бабкин, например, развитие компании «Ростсельмаш» «сводится к следующему – мы ездим по выставкам, смотрим, что мировые лидеры делают, пытаемся повторить, догнать, скопировать, купить готовые решения. А в это время за рубежом исследования получают огромное финансирование, работают огромные механизмы, мировые лидеры в сельхозмашиностроении не по одному миллиону долларов в день вкладывают в научные разработки. И получается, что мы идем в хвосте у этих самых лидеров, которые снимают сливки с рынка и имеют технологическое превосходство» [10]. А в период санкций России пришлось завозить технику и комплектующие для себя по параллельному импорту, то есть ввозить в страну товары без согласия правообладателя, владельца. Следует отметить, что закупать иностранные комплектующие у тех, кто умеет их отлично делать – это абсолютно нормально. Но известно, что это создает и определенные проблемы. Например, нужный российской компании иранский контракт на закупку российских «Суперджетов» может быть сорван. Это связано с тем, что в самолете более 10% комплектующих американского производства и США вследствие этого имеет право наложить вето на сделку [13]. Следовательно, реализация стратегии технологического лидерства требует и обеспечения технологической самодостаточности.

Во-вторых, сегодня есть видимый разрыв связи между фундаментальной наукой, отраслевой

наукой и промышленностью. Вследствие этого многие отечественные организации в настоящее время не могут обеспечивать свое технологическое лидерство и вынуждены выступать лишь в форме догоняющих. Сегодня в России много говорится о создании инженерных школ, 208 об обеспечении практико-ориентированности науки, о том, что в вузах проводятся прикладные научно-исследовательские работы и др. В советское время в России была стройная система, включающая академические институты и отраслевые институты. Одни институты получали заказы от предприятий на подготовку конкретных специалистов, другие институты поставляли свои наработки промышленным предприятиям. Но как отмечает, К. Бабкин, сегодня предприятиям выгоднее нанимать сотрудников в свой штат, проводить исследования самостоятельно и за свой счет. Получается, что академические институты живут отдельно, отраслевые институты отдельно, университеты отдельно, промышленность отдельно, и каждый копается, барахтается в своих проблемах и действуют, как рак и щука [17]. Следовательно, необходима новая система организации взаимодействия фундаментальной наукой, отраслевой наукой и промышленностью, позволяющая реализовывать стратегию технологического лидерства и самодостаточности российской экономики. обеспечения технологической самодостаточности российской экономики.

В-третьих, в настоящее время, несмотря на многочисленное реформирование высшего образования, оно не работает на реальные потребности экономики и не обеспечивает подготовку нужных ей профессионалов. В высшем образовании даже исчезло понятие «высшее профессиональное образование». И в предлагаемой новой модели высшего образования пока не видно, как будет решаться этот вопрос. Несомненно, что университеты заявляют о том, что они повышают качество подготовки выпускников. Действительно, сегодня университеты заинтересованы в том, чтобы укрепить связи с промышленными предприятиями. Однако статистика свидетельствует о том, что в целом более 80% населения трудится не по полученной специальности, а работодатели одновременно отмечают, что уровень подготовки крайне низкий, и чтобы выпускник мог работать самостоятельно, его нужно ещё готовить и готовить [18]. Однако без молодых, креативных профессионально подготовленных кадров реализовать стратегию технологического лидерства будет невозможно. Как отмечают работодатели, им нужны не просто кадры, а кадры, подготовленные лучше, чем до сих пор готовили вузы. Дело в том, что традиционное вузовское образование часто дает хорошую теоретическую базу, но оставляет выпускников без практических навыков, действительно востребованных на современных производствах [19]. Возможно, пришло время продумать систему распределения выпускников вузов на конкретные предприятия. Несомненно, это не должно носить массового характера. Но если предприятие будет вынуждено брать несколько человек на работу из выпускников вузов, то оно будет заинтересовано, чтобы в вузах их готовили с учетом их потребностей. При этом студенты, понимая то, что некоторые из них будут отобраны по результатам обучения и приняты на престижную и высокооплачиваемую работу, будут заинтересованы быть в обучении лучшими и проявлять активность в учебе [20]. Следовательно, вводя новую модель высшего образования, нужно предусмотреть вопросы интеграции вузов и промышленности, которая позволит российской экономике развиваться и быть конкурентоспособной.

Острота и значимость последней рекомендации А.А. Киселева, замечу, подтверждается недавним выступлением Н. Патрушева, помощника президента, председателя морской коллегии РФ на совещании по подготовке инженерных кадров для флота и судостроению. «Увеличение числа желающих сдать ЕГЭ по физике в текущем году до 146 тысяч человек всё ещё не обеспечит качественный прием на 194 тысячи бюджетных мест инженерной области образования», - заметил Патрушев. Еще одна проблема в том, что высокие баллы ЕГЭ зачастую не отражают реальных знаний выпускников школ по математике, физике и химии. Об этом, в частности, говорит анализ результатов ЕГЭ и проведенного вузами инженерного профиля входного контроля первокурсников. «Сейчас, к сожалению, значительная часть школьных педагогов стремится в первую очередь просто «натаскать» учеников на решение экзаменационных тестов», - обратил внимание участников совещания помощник

президента. В качестве итога этого «натаскивания» он привел данные Минобрнауки. Согласно им, в 28 университетах, где в том числе готовят будущих офицеров, в 2023-2025 годах входной контроль по математике, физике и химии не прошли от 10% до 90% первокурсников [см.: 21].

Вместо промежуточного заключения

На этом я прерываю свой обзор материалов конференции в ЯГТУ, чтобы продолжить его в другом номере. В качестве промежуточного итога можно отметить, во-первых, что материалы конференции, на примере уже рассмотренных, конечно, дают пищу для размышлений в русле дальнейшего развития концепции теоретической экономики. А во-вторых, эта концепция ещё не стала, к сожалению, методологической основой исследований для ряда докладчиков. Иначе представляющиеся практически значимыми в первом приближении рекомендации докладчиком могли быть неизмеримо ещё более весомыми и значимыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Теоретические и практические аспекты цифровизации российской экономики : сб. тр. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (4-5 декабря 2025 г., Ярославль) / под общ. ред. к.э.н. С.В. Шкиотова, д.э.н. В.А. Гордеева, д.э.н. Т.Н. Юдиной. – Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2025. – 675 с. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: PC Pentium IV, 512 Мб ОЗУ, Microsoft Windows XP/7, Adobe Acrobat Reader, диск-вод CD-ROM, мышь. – Текст : электронный.
2. Гумилев Н.С. Избранное / Сост., вступ. ст., примеч. Л.А. Смирновой; Художник В.К. Серебряков. – М.: Сов. Россия, 1989. – 496 с., ил., 1 л. портр.
3. Афонцев, С.А. Социально-экономические последствия внедрения искусственного интеллекта: вызовы для политики регулирования // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 5. – С. 5-15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-posledstviya-vnedreniya-iskusstvennogo-intellekta-vyzovy-dlya-politiki-regulirovan>
4. Экономика искусственного интеллекта: глобальные тренды и российская повестка / под ред. К.В. Вишневыский, Д.В. Милов. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2024. – 456 с. – URL: <https://www.hse.ru/ai-economy>
5. Полтерович, В.М. Искусственный интеллект, институты и экономический рост // Вопросы экономики. – 2024. – № 3. – С. 5-25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-instituty-i-ekonomicheskiy-rost>
6. Цифровая экономика: 2024. Сборник статистических сборников / под ред. Л.М. Гохберга, К.О. Вишневыского, Г.И. Абдрахмановой. – М.: НИУ ВШЭ, 2024. – 340 с. – URL: <https://www.hse.ru/digital-economy-2024>
7. Покрытан, П.А. О методологии экономических исследований // Экономист. – 2011. – № 8. – С. 73–79.
8. Московский, А.И. Метод и теория марксистской политической экономии // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 136–143.
9. Философия и методология экономики: учеб. пособие. – 2- изд., перераб. и доп. / под ред. Л.А. Тутова. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. – 432 с.
10. Наводят страх и ужас. «Буревестник», «Орешник» и «Посейдон» пугают НАТО. – URL: <https://aif.ru/politics/russia/navodyat-strah-i-uzhas-burevestnik-oreshnik-i-poseydon-pugayut-nato>
11. Превосходит западные. Чем новейший Су-57 всех удивил. – URL: <https://ria.ru/20251120/istrebitel-2056092141.html>
12. NYT: Россия стала современной империей по производству боевых дронов. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/6570280/>
13. В чем Россия лучше всех в мире? Семь причин для гордости за нашу великую державу. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27566/4835466/>
14. Медицина будущего уже сегодня: инновации из России, меняющие жизнь. – URL: <https://health.mail.ru/article/3942007-medicina-budushego-uzhe-segodnya-innovacii-iz-rossii-menyayushie-zhizn/>
15. Нищета модернизации. Почему Россия пропускает одну технологическую волну за другой]. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/341375-nishcheta-modernizacii-pochemu-rossiya-propuskaet-odnu-tehnologicheskuyu-volnu-za>
16. Госдума приняла закон о технологическом сборе. – URL: <https://hi.tech.mail.ru/news/137792-gosduma-prinyala-zakon-o-tehnologicheskom-sbore/>
17. Почему Россия отстаёт от Запада технологически. – URL: https://dzen.ru/a/YOoMsvF85Eo5_aEd
18. Почему работодатели не хотят брать на работу выпускников ВУЗов. – URL: <https://dzen.ru/a/YDPiv6My3XNzNul0>
19. От технологического лидерства к суверенитету: опыт Ростеха. – URL: <https://science.mail.ru/articles/2881-ot-tehnologicheskogo-liderstva-k-suverenitetu/>

20. Киселев, А.А. Проблемы формирования современных профессионалов в российских вузах в условиях политических и экономических санкций против России и пути их решения // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография / И.В. Котова, В.Г. Гареева, А.А. Киселев [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2024. – С. 36-47.

21. Егоров И. Николай Патрушев: До 90% первокурсников технических вузов проваливаются на контрольных // Российская газета - Федеральный выпуск: №67(9903), 30.03.2026

Conference at YSTU: the beginning of a critical review

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: vagordeev@rambler.ru

KEYWORDS

theoretical economics, conference at YSTU, theoretical and practical aspects of the digitalization of the Russian economy, new paradigmatic mainstream in socioeconomic research, further development of our concept as a new mainstream

ABSTRACT

This article represents the beginning of a critical review of the proceedings of a conference held at YSTU in December 2025. In these proceedings, the author seeks to identify a number of provisions worthy of attention and consideration in the context of the further development of the concept of theoretical economics as a new paradigmatic mainstream in socioeconomic research, which we have been pursuing in our journal for over a decade and a half. This article is devoted to characterizing the main content of such provisions in conference papers as an important tool, in the author's view, for understanding theoretical economics. Particular attention is paid to the theoretical and practical aspects of the digitalization of the Russian economy, discussed in the conference participants' papers. The methodology of this work is naturally based on our proposed concept of theoretical economics. The scientific novelty of this work lies in identifying the contribution of the conference materials to the development of this concept.
